

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 10

«ОН»

Александра Венглинская

Сезон 10 · материалы № 98–111 из 233 · цикл I

СОДЕРЖАНИЕ

1. Из песни убрали одно слово
2. Должности не было в уставе
3. При всяких условиях
4. Хронология: тридцатый — тридцать восьмой
5. Чья это была инициатива
6. Приложение номер два к пункту девять
7. Шестьсот сорок две тысячи девятьсот восемьдесят
8. Завтра или позднее, смотря по обстановке
9. Как ЕГО сочинили
10. Человек, которому незачем было ЕГО защищать
11. Фонд 644, опись 2
12. Три месяца и двадцать один день
13. Два дома в Кунцеве
14. Работайте, братья

Из песни убрали одно слово

№ в серии: 98 из 233 · № в сезоне: 1 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 20.01.2027 · ЖЖ: 06.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

В 1949 году Вано Мурадели и Михаил Вершинин написали песню «Москва — Пекин». Её пели хором на всех площадях, её знала вся страна, в припеве стояли два имени.

После пятьдесят шестого одно имя из припева убрали.

Песня осталась. Мелодия осталась. Строчка спелась иначе.

Отсюда название сезона. ОН остался местоимением — и до сих пор им остаётся: в спорах о НЁМ люди редко произносят фамилию, им хватает «при НЁМ», «после НЕГО», «ЕГО время».

Четырнадцать текстов. Три части: истоки, мифы, след.

ПРАВИЛА, КОТОРЫЕ Я ОБЪЯВЛЯЮ ОДИН РАЗ

Разбирается функция, а не характер. Что в устройстве государства работало, что было снято, когда именно и с какими последствиями. Характер человека, умершего семьдесят три года назад, по документам не реконструируется. Устройство — реконструируется.

Массовые внесудебные репрессии — факт. Хронология с тридцатого по тридцать восьмой идёт третьим текстом, с архивными цифрами полностью, включая расстрельные и включая голод тридцать второго — тридцать третьего. Спор пойдёт о методе счёта и о том, чья это была инициатива, — но не о том, было ли это.

Документ и мемуар не смешиваются. *Документы фиксируют* — одно. *Мемуаристика приписывает* — совсем другое. Там, где есть только вторая, я так и пишу.

Функция утверждается, умысел остаётся открытым. Между «сняли предохранитель» и «сняли предохранитель, чтобы» лежит расстояние, которое документами не покрывается. Я его не перехожу — ни в одну сторону.

Больше к этим правилам я возвращаться не буду. Дальше только материал.

ЧТО БУДЕТ

Часть первая, «Истоки». Должность, которой не было в уставе, — третье апреля двадцать второго года. Двадцать девятый: ставка на короткий срок и то, что было отвергнуто. Хронология репрессий и спор о том, чья это была инициатива, — с версией, которая сегодня в широком ходу, и с четырьмя документами, которые она обязана вместить. И приложение номер два к пункту девять.

Часть вторая, «Мифы». Откуда взялись шестьдесят шесть миллионов и что случилось с этой цифрой по дороге от книги к интервью. Журнал посещений и два дня, которых в нём нет. Два высланных антисоветчика с противоположными выводами. И почему фраза про соху и атомную бомбу принадлежит не Черчиллю — и не про бомбу.

Часть третья, «След». Что было заложено до марта пятьдесят третьего и почему за следующие тридцать восемь лет не было задано ни одной задачи такого класса. Февраль пятьдесят шестого — и постановление, вышедшее за три месяца и двадцать один день до него. Ближняя дача, где я была сама. И финал.

И О ПОСЛЕДНЕМ ТЕКСТЕ

В финале я скажу, кем ОН является лично для меня. Скажу прямо, одним словом, и смягчать не стану.

Но скажу это в конце, отдельно, и объявлю личным — потому что из предыдущих текстов оно не следует, и написаны они так, чтобы не следовало.

Самый неудобный документ сезона стоит пятым, ближе к началу. Он не хрущёвский, не горбачёвский и не гайдаровский.

Житие не убедило никого ни разу. Я пишу не житие.

Вопрос, с которого начинается сезон: почему о НЁМ до сих пор говорят местоимением?

Первый материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — «Должности не было в уставе».

Должности не было в уставе

№ в серии: 99 из 233 · № в сезоне: 2 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 21.01.2027 · ЖЖ: 08.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

Третьего апреля 1922 года, на следующий день после закрытия XI съезда, пленум Центрального комитета постановил: установить должность генерального секретаря и двух секретарей.

Тем же решением, тем же днём, пленум подтвердил ещё одно — и вот оно важнее.

Что Центральный комитет не имеет председателя. Что единственные должностные лица ЦК — секретари. Что председательствующий избирается на каждом заседании отдельно.

Прочитайте эти два постановления рядом.

В высшем органе партии нет ни одного постоянного руководителя. Есть только секретари — то есть аппарат. И вводится должность, стоящая во главе аппарата.

ЧТО ЭТО БЫЛА ЗА ДОЛЖНОСТЬ

Техническая.

Так её понимали в апреле двадцать второго, и понимали искренне. В устав партии её даже не внесли — поправку не вносили ни тогда, ни позже. Формально этой должности в партийном законе не существовало до конца.

Вождём был Ленин — председатель Совнаркома, то есть глава правительства. Теоретиками — Бухарин, Троцкий. Ораторами — Зиновьев, Каменев. За генеральным секретарём оставалась бумага: повестки, протоколы, переписка с губкомами, учёт.

И кадры.

УЧЁТНО-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

При Секретариате работал Учраспред — отдел, ведавший учётом и распределением ответственных работников.

За первый год работы нового генерального секретаря через него прошло, по данным исследователей, около четырёх тысяч семисот назначений на ответственные посты. Цифра ходит по литературе, и я привожу её с оговоркой: сверять её надо по фондам ЦК, а не по пересказам.

Но порядок величины важнее точности до единицы.

Четыре тысячи человек. Секретари губкомов, заведующие отделами, руководители хозяйственных органов на местах — те, кто через год-два поедет делегатом на съезд и будет там голосовать.

Никакого заговора для этого не требовалось. Требовалась должность, через которую проходят назначения, и человек, который на этой должности сидит каждый день, а не приезжает на заседания.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ДЕКАБРЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО

Через восемь с половиной месяцев Ленин диктует «Письмо к съезду».

Формулировка, которую потом процитируют миллион раз: сделавшись генеральным секретарём, ОН сосредоточил в своих руках необъятную власть.

Обратите внимание на конструкцию фразы. Не «захватил». Не «присвоил». Сделавшись — то есть заняв должность, власть возникла из самого факта её занятия.

Ленин не описывает злоупотребление. Он описывает свойство должности, которое обнаружилось через восемь месяцев после того, как эту должность создали своими руками и назвали технической.

ЧТО ЗДЕСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИЗОШЛО

Власть возникла не из умысла и не из характера. Она возникла из устройства.

В органе, где нет постоянного председателя, единственная постоянная должность неизбежно становится главной. Не потому, что кто-то так задумал, — а потому, что все остальные приходят и уходят, а этот остаётся и ведёт бумаги. Через год бумаги знает только он. Через два — только через него что-то происходит.

Дальше добавьте к этому кадры. Тот, кто расставляет людей, через несколько лет обнаруживает, что съезд, избирающий ЦК, состоит из людей, которых расставил он.

Круг замкнулся сам. Никто его не замыкал.

ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНЕЕ БИОГРАФИИ

Потому что отсюда видно, как надо смотреть на всё дальнейшее.

Не «какой ОН был человек» — этого мы по документам не установим никогда. А какую функцию выполняла конструкция и что происходило с ней дальше.

Конструкция, сложившаяся в двадцать втором, обладала одним качеством, которое определит следующие семьдесят лет: она соединяла в одних руках назначение и спрос. Тот, кто ставил, мог и снять. Тот, кто снимал, отвечал за поставленного.

Пока эти две вещи вместе — система работает. Даже жестоко работает, но работает.

Дальше в этом сезоне будет три текста о том, как их разъединяли.

В тридцать втором снимут привязку личного дохода к результату. В пятьдесят шестом уберут инстанцию, перед которой отвечали. К девяносто первому останется слой, который назначает сам себя и сам себя не спрашивает.

Начало — здесь, третьего апреля двадцать второго года, в решении, которое считали техническим.

И ЕЩЁ ОДНО

Есть версия, что должность придумали, чтобы задвинуть неудобного человека на бумажную работу. Есть версия, что напротив — Ленин выдвигал преемника. Есть свидетельство, что в списке членов ЦК, розданном делегатам XI съезда, слова «генеральный секретарь» напротив его фамилии написаны рукой Ленина.

Все три версии я оставляю версиями. Кто и что задумывал в марте двадцать второго, документально не восстанавливается, а гадать я не стану.

Что восстанавливается — устройство.

Орган без председателя. Единственная постоянная должность. Отдел, распределяющий людей. Восемь месяцев до фразы про необъятную власть.

Этого достаточно, чтобы понять всё остальное.

Должность, которой не было в уставе, стала главной за восемь месяцев. Что это говорит об уставе?

Второй материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — двадцать девятый год: ставка на короткий срок и то, во что она обошлась.

При всяких условиях

№ в серии: 100 из 233 · № в сезоне: 3 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 23.01.2027 · ЖЖ: 10.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

В апреле 1929 года XVI партийная конференция рассматривала два варианта первого пятилетнего плана: отправной и оптимальный.

Приняли оптимальный. И приняли его с формулировкой, которая, на мой взгляд, важнее всех цифр плана: как обязательный при всяких условиях.

Капитальные вложения на 1928–1933 годы — шестьдесят четыре с половиной миллиарда рублей.

«При всяких условиях» означает, что план перестал быть планом. План — это то, что корректируют по обстановке. А тут обстановка была заранее объявлена не имеющей значения.

Вот это решение, а не статья в «Правде» и не пленум, и есть содержание двадцать девятого года.

ЧТО ПРЕДЛАГАЛИ ДРУГИЕ

Теперь я назову альтернативу — и назову её всерьёз, потому что карикатурить проигравшего значит расписываться в слабости собственной позиции.

Николай Иванович Бухарин, Алексей Иванович Рыков, Михаил Павлович Томский. Председатель Совнаркома, глава профсоюзов и главный теоретик партии — то есть не маргиналы, а люди на ключевых постах.

Они предлагали не отказ от индустриализации. Никто в этом споре не был против промышленности; спор шёл не о том.

Они предлагали эволюционный путь: кооперация постепенно, экономически вытесняет индивидуальное крестьянское хозяйство; накопление идёт через рынок; кулак не уничтожается, а со временем уравнивается; равновесие между городом и деревней не срывается.

И вот что я обязана сказать прямо: в оценке издержек форсирования они были правы.

Они предупреждали, что рывок сорвёт равновесие, ударит по деревне и обойдётся дорого. Он сорвал. Он ударил. Он обошёлся дорого. Тут спорить не с чем, и я спорить не буду.

ТОГДА В ЧЁМ БЫЛ СПОР

Не в морали и не в экономике.

В календаре.

Вопрос стоял так: сколько у страны времени. Если двадцать лет — прав Бухарин, и путь через кооперацию даёт то же самое дешевле и без катастрофы. Если десять — не прав, потому что за десять лет постепенность не успевает.

Оказалось — двенадцать. С двадцать девятого до сорок первого.

Но это «оказалось» я знаю сегодня, а в апреле двадцать девятого этого не знал никто, включая тех, кто голосовал. Решение принималось не на знании, а на ставке.

Ставку сделали на короткий срок. Ставка сыграла.

Из того, что она сыграла, не следует, что она была единственно возможной. Из того, что она была рискованной, не следует, что она была неправильной. Обе эти подстановки делаются постоянно, обеими сторонами, и обе — подлог.

ДАТЫ

Седьмого ноября 1929 года «Правда» публикует статью «Год великого перелома. К XII годовщине Октября».

С десятого по семнадцатое ноября проходит пленум ЦК. Семнадцатого Бухарин выводится из состава Политбюро.

Спор закончен. Дальше — исполнение.

ЦЕНА

Что решение двадцать девятого года стоило стране — разговор отдельный и длинный, и он идёт в следующих двух текстах, где выстроена хронология с тридцатого по тридцать восьмой год.

Здесь скажу одно: цена была, она была огромной, и в этом сезоне она не будет ни округлена вниз, ни списана на погоду, ни переложена на перегибы на местах.

И ТУТ — САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ

Есть исследование, к которому я отношусь с уважением именно потому, что его авторы отвечают на свой вопрос не так, как хотелось бы мне.

Экономисты Черёмухин, Голосов, Гуриев и Цывинский построили двухсекторную модель советской экономики двадцать восьмого — сорокового годов и сопоставили её с продолжением царской траектории и с продолжением НЭПа. Заглавие их работы — вопрос: был ли Сталин необходим для экономического развития России. Отвечают они по существу отрицательно.

Их результат:

Потери благосостояния в двадцать восьмом — сороковом: минус двадцать четыре процента потребления. Выигрыш после сорок первого: плюс шестнадцать процентов. Суммарно для представительного человека, родившегося в двадцать восьмом году: минус один процент.

И отдельной строкой авторы оговаривают, что издержки политических репрессий в расчёт не входят.

Обратите внимание, что здесь происходит.

Авторы, настроенные к предмету критически, считающие честно и открыто выносящие часть издержек за скобки, получают итог в минус один процент потребления. Это величина внутри погрешности любой модели такого класса.

То есть спор о том, стоила ли индустриализация своей цены, ведётся не о порядке величин, а о знаке единицы.

Кто говорит, что это была чистая победа, — врёт. Кто говорит, что это была чистая катастрофа, — врёт тоже, и врёт против расчёта, сделанного его собственными единомышленниками.

ЧТО ВЫШЛО

За двенадцать довоенных лет введено более девяти тысяч крупных промышленных предприятий. Магнитка, Кузнецк, ДнепроГЭС, Уралмаш, тракторные заводы в Сталинграде и Харькове.

К тридцать седьмому — второе место в мире по абсолютному объёму промышленного производства.

В тридцатом закрыта последняя биржа труда: безработица кончилась, началась хроническая нехватка рук.

Городское население, восемнадцать процентов в двадцать шестом, к сороковому — около половины страны.

Это тоже факты, и они не отменяются предыдущим разделом ровно в той же мере, в какой предыдущий раздел не отменяется ими.

ЧЕМ ЭТО КОНЧИЛОСЬ ДЛЯ ТЕХ, КТО РЕШАЛ

И последнее — то, ради чего этот текст стоит вторым, а не первым.

В апреле двадцать девятого сословие, стоявшее у власти, приняло на себя обязательство чудовищного веса. Оно объявило план обязательным при всяких условиях. Оно взяло на себя деревню, голод, темп и ответственность за исход.

А через три года, в феврале тридцать второго, оно отменило партмаксимум — механизм, привязывавший личное положение каждого из них к результату.

Обязательство приняли. От привязки к результату освободились.

Именно в таком порядке. Сначала взвалили — потом отстегнули.

Что остаётся от плана, из которого убрали привязку к результату, — план или обязательство?

Третий материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — приложение номер два к пункту девять.

Хронология: тридцатый — тридцать восьмой

№ в серии: 101 из 233 · № в сезоне: 4 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 25.01.2027 · ЖЖ: 12.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

Спорить о репрессиях, не имея перед глазами последовательности, бессмысленно. Поэтому сначала — даты, без оценок. Оценки в следующем тексте.

30 января 1930 года Политбюро постановляет ликвидировать кулацкие хозяйства. 30 июля 1937-го Ежов подписывает приказ № 00447 — лимиты по двум категориям, срок четыре месяца. 17 ноября 1938-го массовые операции прекращены, тройки ликвидированы.

Между этими датами — всё, о чём спорят.

ТРИДЦАТЫЙ

30 января 1930. Постановление Политбюро «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Три категории, высылка, конфискация.

2 марта 1930. «Головокружение от успехов» в «Правде» — торможение темпа, вина возложена на местные органы. Часть колхозов немедленно распадается; к осени нажим возобновляется.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ — ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

7 августа 1932. Закон об охране социалистической собственности.

Осень 1932 — лето 1933. Голод на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе, в Казахстане, в Западной Сибири. Оценки погибших расходятся; порядок — миллионы.

Причина не в погоде. Изъятие хлеба велось по плановым заданиям, которые не были снижены тогда, когда сбор их уже не обеспечивал. Это следствие принятого в двадцать девятом курса и способа, которым он проводился.

Тот, кто пишет о довоенной индустриализации, не написав этого абзаца, пишет рекламный проспект.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ — ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

1 декабря 1934. Убит Киров. В тот же день — постановление ЦИК об ускоренном порядке ведения дел о террористических актах: следствие до десяти дней, без участия сторон, без обжалования, приговор к расстрелу — немедленно.

5 декабря 1936. Принята новая Конституция. В ней — всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, без прежних ограничений по происхождению.

Здесь начинается сюжет, вокруг которого идёт главный историографический спор, и о нём — следующий текст.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Февраль — март. Пленум ЦК. Обсуждение предстоящих выборов и партийной работы.

Июнь. Пленум ЦК. Вопрос об альтернативных выборах поддержки не получает.

28 июня. Постановление Политбюро по Западной Сибири — о вскрытой «повстанческой организации» среди высланных. Здесь впервые предусмотрено применение троек. Это прямой прообраз того, что произойдёт через месяц.

3 июля. Директива за его подписью региональным партийным руководителям и НКВД: взять на учёт вернувшихся кулаков и уголовников, представить составы троек и количество подлежащих расстрелу и высылке.

Регионы отвечают цифрами. Цифры приходят из областей.

30 июля. Ежов подписывает оперативный приказ № 00447 — об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других

антисоветских элементов. Заданы лимиты по двум категориям и срок в четыре месяца.

31 июля. Политбюро утверждает приказ без изменений. В тот же день он уходит во все республиканские и областные управления НКВД.

Август 1937 — ноябрь 1938. Операция идёт. Регионы регулярно запрашивают дополнительные лимиты. Лимиты утверждаются в центре — постановлениями, в том числе решением ЦК от 31 января 1938 года.

Параллельно идут «национальные операции» — по немецкой, польской и другим линиям, с так называемым альбомным порядком оформления приговоров.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

24 октября 1938. Записка с требованием арестовать составителей альбомных списков.

17 ноября 1938. Постановление СНК и ЦК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Массовые операции прекращены, тройки ликвидированы, установлен порядок арестов только по санкции суда или прокурора.

25 ноября 1938. Ежов освобождён от должности наркома внутренних дел. Наркомом становится Берия.

1939. Пересмотр дел. Из лагерей, тюрем и под следствием освобождены, по разным подсчётам, от ста тысяч до трёхсот тысяч человек. Среди освобождённых — Рокоссовский и Горбатов.

10 апреля 1939. Ежов арестован. Расстрелян 4 февраля 1940 года.

ЧТО ВИДНО ИЗ ОДНОЙ ЭТОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Три вещи, и все три придётся держать в голове одновременно.

Первое. Механизм массовых операций был запущен решением центра и утверждён Политбюро. Приказ № 00447 не был самостоятельностью ведомства: он был подписан наркомом тридцатого июля и утверждён высшим партийным органом тридцать первого. Тройки как инструмент

введены постановлением Политбюро ещё в июне. Директива от третьего июля подписана лично.

Кто утверждает, что центр был ни при чём, обязан объяснить эти три документа. Объяснить их нельзя.

Второе. Цифры при этом шли снизу. Директива третьего июля требовала от регионов представить количество. Регионы представили. Дальше в течение года они запрашивали добавки, и добавки давались.

Это тоже документ, и его тоже нельзя отменить.

Третье. Остановлено всё это было тем же центром и довольно резко: за три недели ноября тридцать восьмого операции прекращены, тройки ликвидированы, порядок арестов возвращён под прокурорский надзор, нарком снят и впоследствии расстрелян, а десятки, если не сотни тысяч дел пересмотрены.

Механизм, который запускают, а через пятнадцать месяцев останавливают и разбирают, — это управляемый механизм, а не стихия.

ЧТО ИЗ ЭТОГО НЕ СЛЕДУЕТ

Не следует, что ОН не знал.

Эта версия сейчас в широком ходу, у неё есть серьёзные сторонники среди историков, и разбирать её я буду подробно — она того заслуживает. Но разбирать честно значит начинать с трёх документов, перечисленных выше, потому что любая версия обязана их вместить.

Какая версия способна вместить все три документа сразу, не выбирая из них удобные?

Четвёртый материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — чья это была инициатива и почему спор об этом не закрыт.

Чья это была инициатива

№ в серии: 102 из 233 · № в сезоне: 5 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 27.01.2027 · ЖЖ: 14.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

Восьмого февраля 1932 года, 5 марта 1935 года, 30 июля 1937 года — три документа, выстроенные в предыдущем тексте в один ряд по датам, без единой оценки.

Теперь — спор о том, что этот ряд означает. Чья это была инициатива.

Спор идёт всерьёз, ведут его профессиональные историки с архивным допуском, и версия, о которой пойдёт речь, за последние двадцать лет из маргинальной стала обсуждаемой.

Я изложу её так, как её излагают сторонники. Потом поставлю рядом то, что она обязана вместить.

ВЕРСИЯ

Она восходит к работам Юрия Николаевича Жукова и в публичном поле сегодня связана прежде всего с Евгением Юрьевичем Спицыным, опирающимся на архивные разыскания историка А. Н. Дугина в Центральном архиве ФСБ.

Логика такая.

Конституция тридцать шестого года вводила всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Обсуждалась и возможность альтернативных выборов — с несколькими кандидатами на место.

Для секретаря обкома это означало ровно одно: должность, до сих пор распределявшуюся сверху, придётся защищать перед избирателем. Причём перед тем самым населением, которое пережило коллективизацию и хорошо помнило, кто её проводил на местах.

На июньском пленуме тридцать седьмого года идея альтернативности поддержки не получила.

Дальше, по этой версии, региональные руководители нашли способ снять вопрос иначе: если потенциальные оппоненты будут репрессированы как антисоветский элемент, выборы перестают быть угрозой. Отсюда — требования расширить внесудебные полномочия и создать тройки.

Ведомственная монополия на информацию. Данные о решениях троек оставались внутри НКВД. По линии Прокуратуры и Верховного суда наверх шли совсем другие цифры — на порядок меньшие.

Сторонники версии приводят разрыв: около сорока четырёх тысяч приговорённых к высшей мере по официальной отчётности против более чем пятисот пятидесяти тысяч по внутриведомственной, на середину тридцать восьмого года.

Прорыв блокады — осень тридцать восьмого: записка от двадцать четвёртого октября с требованием арестовать составителей альбомных списков, ноябрьское постановление, снятие Ежова, бериевский пересмотр дел.

И следствие для историографии: доклад пятьдесят шестого года читается иначе, поскольку сам докладчик в тридцать седьмом был секретарём Московского комитета и по документам входил в число тех, кто запрашивал лимиты.

ЧТО ЗДЕСЬ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ДОКУМЕНТАМИ

Немало, и отмахиваться нельзя.

Инициатива снизу — факт. Директива от третьего июля тридцать седьмого требовала от регионов представить составы троек и количество подлежащих расстрелу и высылке. Не спустила разнарядку — запросила предложения. Цифры пришли из областей.

Запросы на добавки — факт. Весь следующий год регионы просили увеличить лимиты. Эти запросы опубликованы, они существуют, и подписаны они конкретными фамилиями.

Заинтересованность докладчика пятьдесят шестого года — факт. Человек, назначивший в пятьдесят шестом единственного виновного, сам подписывал запросы в тридцать седьмом. Это не аргумент против содержания доклада, но это обязательная поправка к его весу как источника.

Ведомственная автономия — факт. Альбомный порядок, внепроцессуальные решения, следственные дела на самих оформителей — всё это существует и разбиралось судом.

ЧТО ОНА ОБЯЗАНА ВМЕСТИТЬ

А теперь три документа, мимо которых пройти нельзя, и любая версия обязана объяснить их все.

Двадцать восьмое июня тридцать седьмого. Постановление Политбюро по Западной Сибири. Здесь тройки впервые предусмотрены как инструмент. Решение центральное.

Третье июля. Директива региональным руководителям и НКВД — за его подписью. Она не только запрашивает цифры. Она задаёт саму рамку: взять на учёт, составить тройки, представить количество. Инициатива снизу пошла в ответ на неё.

Тридцать первое июля. Приказ № 00447, подписанный Ежовым накануне, утверждён Политбюро без изменений и в тот же день разослан по всем управлениям.

И четвёртое, менее известное, но решающее: дополнительные лимиты утверждались в центре. Постановлением ЦК от тридцать первого января тридцать восьмого года в том числе.

То есть добавки не были ведомственным самоуправством. Их просили снизу и давали сверху.

ГДЕ ПРОХОДИТ ГРАНИЦА

Сторонники версии опираются, среди прочего, на официальный ответ Росархива: сводных статистических отчётов НКВД за тридцать седьмой

— тридцать восьмой в фондах РГАНИ, РГАСПИ и Архива Президента не обнаружено.

Это серьёзный аргумент, и я его не отбрасываю. Но это аргумент из молчания: отсутствие документа в конкретном фонде означает отсутствие в конкретном фонде, а не отсутствие информирования. Тем более что часть президентского архива закрыта.

Аргументом из молчания нельзя перекрыть четыре документа, которые есть.

Поэтому граница проходит здесь.

Что устанавливается: механизм был запущен решениями центра, наполнен цифрами из регионов, расширен по их просьбам с центральной санкцией и остановлен центром за три недели ноября тридцать восьмого — с ликвидацией троек, возвратом прокурорского надзора, снятием и расстрелом наркома и пересмотром десятков и сотен тысяч дел.

Что не устанавливается: что ОН не знал масштаба.

ПОЧЕМУ Я НЕ ПЕРЕХОЖУ ЭТУ ГРАНИЦУ

Причина не в осторожности.

Дальше в сезоне будет текст о цифре в шестьдесят шесть миллионов. Там я покажу, что происходит с гипотезой, из которой по дороге выпала оговорка. Оговорка стояла в книге; в интервью её не стало; и с тех пор в мире живёт цифра, а не гипотеза.

Если я возьму версию, у которой есть документированная часть и недоказанная часть, и подам её целиком как установленную, я сделаю ровно то же самое. Только в другую сторону.

И тогда тот текст перестанет что-либо значить — вместе с разбором Курганова, Нива и всей арифметикой Дойчера.

Одна недоказанная позиция, поданная как доказанная, обесценивает десять доказанных. Это не осторожность. Это арифметика.

ЧТО ОСТАЁТСЯ — И ЭТО МНОГО

Остаётся вывод, который сильнее и который не опровергается ничем.

Механизм был управляемым. Его запустили, и его остановили. Не выдохся, не сошёл на нет, не был прекращён внешним обстоятельством — был прекращён решением, за три недели, с разбором ведомства, снятием наркома и массовым пересмотром дел.

То, что можно остановить за три недели, находилось под управлением и тогда, когда работало.

Это утверждение тяжелее версии о неведении. Версия о неведении снимает ответственность — и заодно снимает субъектность. А без субъектности нет и всего остального: ни двадцать девятого года, ни сорок первого, ни сорок пятого.

Нельзя быть тем, кто в октябре сорок первого не воспользовался разрешением уехать, и одновременно тем, кто не знал, что происходит в собственном ведомстве.

Я выбираю первое. Со всем, что из него следует.

Версия о неведении снимает ответственность и вместе с ней субъектность. Можно ли взять одно и оставить другое?

Пятый материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — приложение номер два к пункту девять, и это самый неудобный документ сезона.

Приложение номер два к пункту девять

№ в серии: 103 из 233 · № в сезоне: 6 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 29.01.2027 · ЖЖ: 16.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

Восьмого февраля 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) заседало обычным порядком. Протокол № 87. Пункт восьмой — о реконструкции Ижевских заводов. Пункт пятнадцатый — о скотозаготовках.

Между ними, девятым пунктом, с приложением номер два, прошло постановление «О ставках для коммунистов-хозяйственников и инженерно-технического персонала».

РГАСПИ, фонд 17, опись 3, дело 871, листы 19–26.

Пункт первый этого приложения отменял партмаксимум.

ЧТО ОТМЕНЯЛИ

Декрет ВЦИК от 23 июня 1921 года установил простое правило: заработок ответственного работника не может превышать среднего заработка в том учреждении или на том предприятии, которым он управляет, более чем в полтора раза.

До того, ещё декретом Совнаркома от 1 декабря 1917 года, предельный оклад народного комиссара был зафиксирован на пятистах рублях с доплатой на нетрудоспособных членов семьи.

Логика была заявлена открыто и восходила к Парижской коммуне: понижение платы высшим должностным лицам должно не допустить складывания новой привилегированной прослойки. Ленин ограничил собственное жалование лично.

Обратите внимание на конструкцию, потому что вся её сила именно в ней.

Потолок был привязан не к должности, а к людям под этой должностью. Хочешь получать больше — подними заработок тем, кем управляешь. Другого пути наверх у твоего личного дохода нет.

Это не аскеза. Это инженерное решение. Личный интерес руководителя пришит к положению управляемых — не воззванием, не совестью, а арифметикой.

ЧТО ПОСТАВИЛИ ВЗАМЕН

Формулировка первого пункта постановления от 8 февраля 1932 года: отменить существующую практику ограничения партмаксимумом оплаты коммунистов-специалистов, работающих по специальности — на производстве, в управленческих, кооперативно-торговых, планирующих и проектирующих организациях всех отраслей народного хозяйства.

Для коммунистов-организаторов и администраторов вводились три группы предельных окладов. Для заместителей и помощников — на сто-полтора ста рублей ниже, за исключением получающих персональную ставку.

Вводилось с первого марта 1932 года.

Формально ограничение сохранялось. Фактически оно сменило природу — и это главное, что произошло в тот день.

Партмаксимум связывал начальника с подчинёнными. Ставка связывает начальника с иерархией. В первом случае, чтобы получить больше, надо поднять своих. Во втором — подняться самому.

И тут же, в том же тексте, прописано исключение: персональная ставка. То есть механизм, позволяющий вывести конкретного человека из-под общего правила.

Предохранитель не сломали. Его аккуратно заменили на устройство, которое выглядит как предохранитель, но работает в другую сторону.

У РЕШЕНИЯ БЫЛА ПРИЧИНА

У решения 1932 года были причины, и они не выдуманы задним числом.

Шла индустриализация. Требовались специалисты, и беспартийные специалисты получали персональные ставки — выше, чем коммунист на той же работе. Партийность становилась материальным штрафом за

партийность. Это положение было ненормальным, и его надо было чинить.

Постановление его починило.

Претензия не в том, что потолок сдвинули. Претензия в том, что его больше никогда не вернули. Задача была временная, решение оказалось бессрочным, и ни при жизни того, кто его подписал, ни после никто к этому вопросу не возвращался.

Мемуаристика приписывает — по словам Молотова в передаче Чуева — что фактически партмаксимум перестал соблюдаться ещё в конце 1929 года, и постановление 1932-го лишь оформило сложившееся. Это свидетельство заинтересованной стороны, данное через сорок лет, и я не выдаю его за документ. Документ — февраль 1932-го.

Отдельный сюжет о денежном довольствии в конвертах сверх оклада я здесь не трогаю вовсе: он мемуарный, и опираться в таком узле на мемуары нельзя.

Достаточно того, что есть в протоколе.

ФОРМУЛА, КОТОРАЯ ДЕРЖИТ ВЕСЬ КОРПУС

Я писала это раньше и повторю здесь, потому что ровно здесь она получает дату.

Служилое сословие получает права как инструмент для исполнения обязанностей. Права даются не за принадлежность к сословию, а под тяжесть службы. Пока обязанность на месте, конструкция держится: привилегия есть плата за риск, за ответственность, за возможность быть снятым.

Уберите обязанность — права останутся. И останется некому их отозвать, потому что орган отзыва входит в то же сословие.

Дальше по цепочке, без всякой мистики: несменяемость, безотчётность, а в конце — обмен государства на личное положение.

В 1991 году этот обмен состоялся. Первое звено цепи датируется восьмым февраля 1932 года и лежит в приложении номер два к пункту

девять.

ЧЬЯ ЭТО ПОДПИСЬ

Документ, который я только что процитировала, — не хрущёвский. Не горбачёвский. Не гайдаровский. Это постановление Политбюро от февраля 1932 года, принятое при НЁМ, в ЕГО присутствии, за ЕГО подписью, среди Ижевских заводов и скотозаготовок.

Зерно того самого проклятого сословия, о котором у меня написана отдельная книга, посеяно внутри периода. Не после смерти. Не врагами. Не в результате диверсии.

Мне это неприятно писать. Я это пишу.

Механизм, не дававший должности превращаться в доход, был снят в феврале тридцать второго по понятной хозяйственной причине и не восстановлен никогда. Задумывалось ли именно это — документами не покрывается. Функция утверждается, умысел остаётся открытым.

Через двадцать четыре года уберут и то единственное, что этот механизм заменяло.

Механизм сняли по хозяйственной причине и не вернули никогда. Бывает ли у таких решений срок давности?

Шестой материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — как считали расстрелянных и откуда взяли шестьдесят шесть миллионов.

Шестьсот сорок две тысячи девятьсот восемьдесят

№ в серии: 104 из 233 · № в сезоне: 7 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзён: 31.01.2027 · ЖЖ:
18.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

Первого февраля 1954 года три человека подписали документ на имя первого секретаря ЦК: генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко, министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов, министр юстиции Константин Петрович Горшенин.

Записка легла в «Особую папку» Хрущёва. Сегодня она в Государственном архиве Российской Федерации: фонд Р-9401, опись 2, дело 450, листы 149–152.

За период с 1921 года по 1 февраля 1954-го за контрреволюционные преступления коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и трибуналами осуждено 3 777 380 человек.

К высшей мере — 642 980. К лагерям и тюрьмам — 2 429 410. К ссылке и высылке — 704 990.

Это не оценка, не расчёт и не реконструкция. Это внутренняя справка, составленная ведомствами для нового руководства, которое как раз собиралось предъявлять счёт предыдущему. Заинтересованности в занижении у составителей не было ни малейшей.

НАЧНУ С ОШИБКИ СВОЕЙ СТОРОНЫ

В левой и патриотической публицистике десятилетиями ходит другая цифра расстрелянных: 624 980.

Сравните: 642 980 и 624 980. Переставлены две цифры.

Кто-то однажды ошибся при наборе в девяностые, и с тех пор эта опечатка живёт собственной жизнью, кочуя из статьи в статью, из книги в книгу, с сайта на сайт. Её воспроизводят люди, искренне защищающие честь страны.

И каждый из них тем самым расписывается в том, что архивного дела в руках не держал.

Механизм не выбирает, кого обслуживать. Он работает одинаково в любую сторону — и показать это удобнее сначала на себе.

ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ

Теперь то, ради чего узел написан.

В третьей части «Архипелага ГУЛАГ» приведён расчёт эмигрировавшего профессора статистики И. А. Курганова: с 1917 по 1959 год, без военных потерь, страна потеряла 66,7 миллиона человек — а без дефицита рождаемости 55 миллионов.

Прочитайте предыдущее предложение ещё раз, медленно.

Без дефицита рождаемости — пятьдесят пять. То есть шестьдесят шесть с лишним включают неродившихся. А сами пятьдесят пять — это все избыточные смерти за сорок два года: террор, подавления, голод, повышенная смертность в лагерях, всё вместе и в одну кучу.

Это не число репрессированных. Это гипотетическая оценка общих демографических потерь, полученная косвенным расчётом человеком, у которого не было и не могло быть доступа ни к одному архиву.

И сам Солженицын это оговорил. В тексте книги прямо сказано, что за цифры Курганова он не ручается, но официальных не имеет.

Оговорка стоит в книге. Держите её в уме — она сейчас исчезнет.

КУДА ДЕВАЛАСЬ ОГОВОРКА

1976 год. Интервью западным журналистам. Та же цифра.

Только теперь она звучит иначе: от этого у нас погибло шестьдесят шесть миллионов человек.

Гипотеза стала утверждением. Демографический дефицит, включающий неродившихся детей, стал числом погибших. Оговорка, честно поставленная в книге, до устной аудитории не доехала.

Вот это — а вовсе не цифра — и есть предмет разбора.

Цифру можно проверить, оспорить, уточнить. С цифрой можно спорить. А то, что произошло между книгой и интервью, спору не подлежит, потому что это не ошибка счёта. Это смена модальности при пересечении границы.

Дальше цифра пошла в мир уже без оговорки — и в мире живёт до сих пор именно она.

О КАНАЛЕ

Расчёты Курганова печатались в эмиграции. Статья «Три цифры» выходила, в частности, в журнале «Посев» — центральном органе Народно-трудового союза, 1977, номер 12.

Об НТС и о том, кто десятилетиями его вёл и содержал, я подробно писала в «Над разломом» и повторяться не буду.

А вот о самом Курганове я не напишу ничего.

Точнее, напишу только это: в сети широко изложена его биография — настоящая фамилия, ленинградская профессура, эвакуация сорок второго года, дальнейший путь. Изложение это выглядит убедительно и повторено в десятках публикаций.

Я её проверяла: монографии по теме, материалы профильной конференции, доступные персональные составы. Подтверждения нет. Вся цепочка сводится к одной энциклопедической статье, где ключевая фраза помечена как не имеющая источника.

Поэтому биографии здесь не будет — ни утвердительно, ни с оговоркой. Материала жаль, он эффектный. Но текст, разбирающий чужую непроверенную цифру, не может стоять на собственной непроверенной биографии.

Канала публикации достаточно.

СОХА И ЯДЕРНЫЕ РЕАКТОРЫ

А теперь вторая ошибка своей стороны, и она красивее первой.

«Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Фразу приписывают Черчиллю. В речах, статьях и мемуарах Черчилля её нет.

Автор — британский историк Исаак Дойчер, «Essays on Contemporary Communism», 1953 год.

Но это ещё половина дела. Потому что у Дойчера стоит atomic piles — атомные реакторы. Не бомба.

Миф мутировал дважды. Сначала сменил автора — приписали более авторитетному. Потом подменил объект — реактор заменили на бомбу, потому что бомба звучит внушительнее.

И заметьте, кто эту фразу тиражирует. Её тиражируем мы.

Отдельно, для полноты: Дойчер был троцкистом и ЕГО критиком, а приведённые слова у него — не панегирик, а часть куда более сложной оценки. Кто цитирует его как хвалебный источник, цитирует человека, который таковым не являлся.

И ДЕ ГОЛЛЬ, И РЫБАКОВ

Приписываемое де Голлю «он не ушёл в прошлое — он растворился в будущем» отсутствует в «Военных мемуарах», переписке и выступлениях. Это русскоязычный конструктор конца девяностых, обратно переведённый и приписанный.

Наше.

«Нет человека — нет проблемы» — реплика, вложенная в уста персонажа Анатолием Рыбаковым в романе «Дети Арбата», 1987 год. Художественный текст. Автор реплики — писатель.

Чужое.

Механизм в обоих случаях один и тот же.

ПРАВИЛО

Устойчивость тиража не есть доказанность.

Фраза, повторённая тысячу раз, не становится документом. Цифра, кочующая тридцать лет, не становится архивной. Биография, изложенная

в сотне публикаций, не становится установленной, если все сто восходят к одной непроставленной сноске.

Это правило не имеет политического знака. Оно одинаково срезает шестьдесят шесть миллионов и шестьсот двадцать четыре тысячи девятьсот восемьдесят.

О ЧЁМ ЗДЕСЬ СПОР

Не о том, много или мало.

Три миллиона семьсот семьдесят семь тысяч триста восемьдесят человек, осуждённых за контрреволюционные преступления. Шестьсот сорок две тысячи девятьсот восемьдесят приговорённых к расстрелу.

Это не «мало». Это установлено — теми же документами, которыми я только что опровергала завышения, и я не собираюсь пользоваться архивом избирательно.

Массовые внесудебные репрессии — факт. Спор идёт о методе счёта, а не о событии, и всякий, кто пытается сделать вид, будто первое отменяет второе, занимается ровно тем же, чем интервью семьдесят шестого года.

Тем же самым. Только в другую сторону.

Почему спор о методе счёта до сих пор ведут так, будто от него зависит сам факт?

Седьмой материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — журнал посещений кремлёвского кабинета и два дня, которых в нём нет.

Завтра или позднее, смотря по обстановке

№ в серии: 105 из 233 · № в сезоне: 8 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 02.02.2027 · ЖЖ: 20.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

Двадцать второго июня 1941 года в пять сорок пять утра в кремлёвский кабинет вошли пятеро: Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков.

Дальше по журналу — Вышинский в семь тридцать, Маленков тогда же, Микоян без пяти восемь, Каганович и Ворошилов в восемь, Кузнецов в четверть девятого, Димитров и Мануильский без двадцати девять. После полудня — Шапошников, снова Тимошенко с Жуковым и Ватутиным, Кулик, Берия.

Всего за сутки — двадцать девять записей. Последние вышли в шестнадцать сорок пять.

Журнал учёта посетителей кремлёвского кабинета — обычная канцелярская книга: кто вошёл, во сколько, во сколько вышел. Его вели десятилетиями, не для истории, а для порядка. В девяностые его опубликовали.

И он закрывает вопрос, который до сих пор задают.

ПРО НЕДЕЛЮ

Версия о том, что первые дни войны ОН провёл в прострации, что заперся, исчез, не подходил к телефону, — существует в двух видах. В мягком: растерялся на несколько суток. В жёстком: не появлялся неделю.

Жёсткий вид опровергается прямо и полностью. С двадцать второго по двадцать восьмое июня приёмы шли ежедневно, десятками.

Опровергается не мемуаром, не аргументом и не рассуждением о характере. Опровергается конторской книгой, которую заполнял человек в приёмной, не думавший ни о какой полемике.

НО ДВА ДНЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОТСУТСТВУЮТ

Двадцать девятое и тридцатое июня. Записей нет.

Их нет, и я не собираюсь делать вид, будто их наличие подразумевается.

Что происходило в эти двое суток — предмет мемуаристики. Есть воспоминания Микояна. Есть Молотов в передаче Чуева. Есть версия, восходящая к Берии через Хрущёва, — притом что Хрущёв в июне сорок первого находился в Киеве.

Три линии, ни одна не первичная, две проходят через передатчиков, кровно заинтересованных в том, чтобы эпизод выглядел определённым образом.

И вот здесь я разойдусь с теми, кто пишет по мою сторону. В патриотических изложениях эти двое суток обычно объясняют так: работа переместилась на Ближнюю дачу для выработки решения о создании чрезвычайного органа управления.

Звучит убедительно. Но это ровно тот же приём, который я разбирала в прошлом тексте, — мемуарная реконструкция, поданная как установленный факт.

Документ фиксирует пропуск. Содержание пропуска документ не фиксирует.

Вердикт узла: установлено, но означает не то. Недели не было. Двое суток были. Чем они были заполнены — не знаем, и знать неоткуда.

Тридцатого июня образован Государственный Комитет Оборона. Это уже документ.

ПЯТНАДЦАТОЕ ОКТЯБРЯ

Теперь второй документ, и он важнее первого.

Постановление Государственного Комитета Оборона номер 801сс от 15 октября 1941 года. «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Совершенно секретно.

РГАСПИ, фонд 644, опись 2, дело 23, лист 20.

Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии постановлялось: иностранным миссиям

эвакуироваться в Куйбышев сегодня же; сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета и правительство во главе с заместителем председателя Совнаркома Молотовым; наркомату обороны — в Куйбышев, основной группе Генштаба — в Арзамас.

А в скобках, посреди перечисления, стоит фраза, ради которой я этот текст пишу.

«Т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке».

ПУНКТ ЧЕТВЁРТЫЙ

Одни этим документом размахивают: собирался бежать, вот доказательство. Другие не упоминают его вовсе.

И почти никто не приводит четвёртый пункт: в случае появления войск противника у ворот Москвы поручить произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро.

Метро. То есть город готовили не к сдаче, а к уничтожению.

Текст, из которого выброшен этот пункт, — не разбор документа, а пересказ удобной части.

ЧТО ТАМ НА САМОМ ДЕЛЕ НАПИСАНО

А написано там вот что.

Юридическая возможность выехать существовала. Она была оформлена, подписана, датирована и лежала на бумаге за подписью самого выезжающего. Не «мог бы теоретически» — мог фактически, законно, немедленно, и никому не пришлось бы ничего объяснять: правительство уходит, аппарат уходит, дипкорпус уходит, идёт эвакуация столицы, всё в порядке вещей.

Формула в скобках даёт не приказ остаться. Она даёт разрешение уехать — завтра или позднее, по обстановке.

ОН не уехал.

Шестнадцатого октября город трянуло так, как не трясло за всю войну: паника, брошенные учреждения, дороги на восток. Об этом дне у меня написано отдельно, в «Моей Москве», и повторяться не буду.

ОН остался. Седьмого ноября на Красной площади прошёл парад.

На архивной копии постановления есть помета: правка по тексту красным карандашом — ЕГО автограф. Принадлежит ли этой правке именно скобочная фраза, по одной помете сказать нельзя, и до сверки с факсимиле я на этом строить ничего не стану.

Строить и не нужно. Разрешение записано. Оно не использовано. Этого достаточно.

ПОЧЕМУ ЭТО НЕСУЩИЙ УЗЕЛ

Потому что весь сезон стоит на одном различии, и здесь оно видно лучше всего.

Есть объяснение через сущность: ОН был такой, ОН не мог иначе, природа не позволяла. Такое объяснение приятно читать и невозможно доказать. Оно же, между прочим, снимает с человека всякую заслугу: у того, кто не мог иначе, нет выбора, а без выбора нет и поступка.

И есть объяснение через выбор: мог, имел законное право, документ на руках, транспорт подан, все уезжают — и не поехал.

Второе беднее на пафос и втрое прочнее.

Мне это различие знакомо по другому сюжету — по двум маршалам, вышедшим из одной среды, прошедшим одну школу и разошедшимся поступком. Оно всюду одинаково.

Человека делает не то, чем он не мог не быть. Человека делает то, что он мог — и не сделал.

Пятнадцатого октября сорок первого года бумага разрешала. Завтра или позднее, смотря по обстановке.

Обстановка сложилась.

Чем ещё проверяется человек, кроме того, что он мог — и не сделал?

Восьмой материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — про два «Архипелага»: тот, что издан в Париже в семьдесят третьем, и тот, что произнесён в Гарварде в семьдесят восьмом.

Как ЕГО сочинили

№ в серии: 106 из 233 · № в сезоне: 9 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 04.02.2027 · ЖЖ: 22.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

Спросите любого человека на улице, что он знает о НЁМ. Вы услышите три вещи: десятки миллионов расстрелянных, лагеря от Балтики до Колымы и общий тон — тон приговора, не требующего доказательств.

Теперь спросите, откуда он это знает.

Не из архивов. Не из протоколов Политбюро, не из докладных записок, не из справки Руденко, Круглова и Горшенина. Подавляющее большинство людей никогда не держало в руках ни одного документа тридцатых годов.

Образ, который носит в голове мир, собран практически из одной книги.

ЧТО НАПИСАНО НА ЕЁ ТИТУЛЕ

«Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования».

Подзаголовок авторский. Он стоит на титуле всех трёх томов, его не приписали оппоненты и не вывели из анализа.

Художественное исследование — не документальное. Это жанр, где свидетельство, память, реконструкция и авторская интонация работают вместе и не разделяются.

Так книга заявлена. Так она и написана.

А читают её как архивную справку — и ссылаются на неё как на источник те самые люди, которые в других случаях требуют сносок.

ИЗ ЧЕГО СОБРАН ОБРАЗ

Разберём конструкцию на детали. Их три.

Деталь первая: число. Шестьдесят шесть миллионов, взятые из косвенного расчёта эмигрантского статистика, — с оговоркой в книге и

без оговорки в интервью. Как именно оговорка исчезла по дороге, разобрано в предыдущем тексте.

Деталь вторая: распределение сочувствия. В первой части есть глава шестая, «Та весна». Она о репатриантах, военнопленных и власовцах — и сочувствие в ней расставлено к тем, кто перешёл.

Это не полемическая натяжка, это чтение текста. Глава существует, симпатия в ней распределена, распределил её автор.

Деталь третья: тон. Приговор вместо разбора. Интонация человека, который уже всё знает и объясняет вам, а не выясняет вместе с вами.

Сложите три детали — и получите не исследование, а образ. Готовый, законченный, эмоционально заряженный и не требующий проверки.

Именно он и разошёлся по миру.

КАНАЛ

Первый том вышел в Париже в декабре семьдесят третьего, в YMCA-Press. Расчёты, давшие книге её главную цифру, печатались в «Посеве» — центральном органе НТС.

Об этом аппарате и о том, кто его вёл и содержал десятилетиями, у меня написана отдельная книга, и повторяться не буду.

А ТЕПЕРЬ ПРО АВТОРА — КОРОТКО, ПОТОМУ ЧТО ОН ЗДЕСЬ НЕ ГЛАВНЫЙ

Главный здесь — образ. Автор — инструмент, которым образ изготовили. Но кое-что о нём сказать необходимо, иначе разбор превратится в обвинительное заключение, а обвинительное заключение здесь неверно по существу.

Он не был агентом.

Проверяется одной датой. В апреле семьдесят шестого — приём в Сенате и выступления перед профсоюзными деятелями. А в июне семьдесят восьмого он выходит на гарвардскую трибуну и громит Запад:

его правовую формалистику, его печать, его самодовольство. Аудитория ошеломлена, истеблишмент заметно охладевает.

Агента не посылают бить по нанимателю с главной академической трибуны страны-нанимателя.

Дальше — девяностый год, отказ от Государственной премии РСФСР за «Архипелаг». Девяносто восьмой — отказ от ордена с формулировкой про власть, доведшую Россию до гибельного состояния. Две тысячи седьмой — принятая Государственная премия России.

Запомните этот ряд. Он понадобится в финале сезона.

ВЕРДИКТ

Намерение у него было своё, и оно было о восстановлении страны.

Функция вышла другая.

Функция — готовый образ, которым можно пользоваться, не разделяя ни одного убеждения автора. И воспользовались им ровно те, кого он потом называл поимённо и проклинал.

Он не служил им. Он изготовил инструмент, а инструмент служит тому, кто его взял.

ПОЧЕМУ ЭТО ТЯЖЕЛЕЕ ОБВИНЕНИЯ

Версия «агент» удобна и рушится от одной гарвардской даты. Кто на ней стоит — стоит на песке.

Версия «функция без воли» не рушится ничем. Её нельзя опровергнуть ни биографией, ни искренностью: искренность в неё уже заложена.

Обвинение можно снять. А то, что человек с честными намерениями изготовил тот образ страны, которым эту страну потом и разбирали, — снять нельзя. Тут никто не виноват в том смысле, в каком бывают виноваты.

Есть только результат.

Если виноватых в обычном смысле нет, а образ страны изготовлен и работает — с кого спрашивать за результат?

*Девятый материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — о другом
высланном. Тоже антисоветчик, тоже изгнан, тоже издан на Западе.
Посмотрел на ту же эпоху и увидел другое.*

Человек, которому незначало было ЕГО защищать

№ в серии: 107 из 233 · № в сезоне: 10 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 06.02.2027 · ЖЖ: 24.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

В 1983 году в швейцарском издательстве L'Age d'Homme вышла книга об ЕГО эпохе. Сто шестьдесят одна страница. Называется «Нашей юности полёт», подзаголовок — литературно-социологический очерк сталинизма.

Автор — Александр Александрович Зиновьев. Лишённый советского гражданства эмигрант, высланный пятью годами раньше.

Три обстоятельства держите при себе всё чтение: Лозанна, восемьдесят третий, изгнанник.

КЕМ ОН БЫЛ К ТОМУ МОМЕНТУ

Логик. Профессор МГУ, заведующий кафедрой, специалист по многозначным логикам с международной репутацией.

В семьдесят шестом в Швейцарии выходят «Зияющие высоты» — сатира на советское общество такой силы, что её невозможно было ни опровергнуть, ни простить. Через два года его лишают гражданства и высылают.

К восемьдесят третьему он в эмиграции пять лет. Антисоветчик с безупречным послужным списком, которого на Западе читают как приговор системе.

И в этот момент он садится писать книгу об ЕГО эпохе.

ЧТО ОН В ЭТОЙ ЭПОХЕ УВИДЕЛ

Не оправдание. Отказ от морализаторства как способа думать.

Что эпоха была «юностью коммунизма» — необходимым этапом формирования той социальной организации, которая потом сложилась и просуществовала до девяносто первого.

Что её надо исследовать, а не обличать, потому что разоблачение не метод познания, а замена метода.

Что массовая социальная мобильность, вертикальные лифты, ликвидация неграмотности, промышленность, армия и наука сложились в социальный организм с огромным запасом прочности — и что этот факт не отменяется издержками, потому что факт и оценка лежат в разных плоскостях.

Репрессий он не отрицал. Голода не отрицал. Цены не отрицал. Он отказывался считать, что перечисление цены заменяет анализ.

ЧЕМ ОН ЗА ЭТО ЗАПЛАТИЛ

Французский славист Жорж Нива — человек, к советскому строю не расположенный, — зафиксировал у Зиновьева нарастающую ностальгию по коллективистскому коммунизму и парадоксальное превращение из обличителя коммунизма в его апологета. И указал, что проявилось это именно в «Нашей юности полёт».

Оценка Нива отрицательная. Он этого превращения не одобряет. Он констатирует его как факт и как утрату.

Именно поэтому она и нужна.

Если бы разворот зафиксировал сочувствующий, свидетельство не стоило бы ничего: сочувствующие видят то, что хотят видеть. А здесь его фиксирует наблюдатель, которому этот разворот неприятен, — и фиксирует потому, что деться некуда.

Враждебное свидетельство стоит вчетверо дороже дружественного. Это правило, а не оборот речи.

ОГОВОРКИ

От «Зияющих высот» он не отрекался ни разу и критиком советского строя быть не переставал.

Апологетом себя не называл — «апологет» это квалификация Нива, а не самоопределение.

Постсоветскую Россию критиковал не мягче, чем советскую, и до самой смерти в две тысячи шестом. Слово «катастрофа» — его.

И ещё: ему приписывают формулу о НЁМ как о величайшей личности века. Она ходит по интервью девяностых и нулевых, первоисточника я не установила и опираться на неё не буду.

Опора здесь одна, и она с выходными данными: Лозанна, L'Age d'Homme, 1983.

ПРО ВОЗВРАЩЕНИЕ

В восемьдесят четвёртом вышло его эссе «Почему я никогда не вернусь в Советский Союз». Возвращаться, писал он, некуда, незачем и не к кому.

В интервью восемьдесят восьмого года говорил, что эмиграцию считает наказанием.

Вернулся в девяносто девятом.

Между эссе и возвращением — пятнадцать лет и исчезновение страны, которой он не собирался прощать. Оказалось, что не прощать и не защищать — разные вещи.

СЛОЖИТЕ ДВА ТЕКСТА

Семьдесят четвёртый — выслан один. Семьдесят восьмой — выслан другой.

Обоих лишили гражданства. Обоих издавали на Западе, на западные деньги, в западных издательствах. Оба были антисоветчиками и оба ими остались.

Один изготовил ЕГО образ. Другой посмотрел на ЕГО эпоху и увидел социальную конструкцию с запасом прочности.

Одна формация. Одна судьба. Один противник. Противоположные выводы.

Расходится не биография. Не среда, не происхождение, не образование, не обстоятельства высылки, не источник финансирования — ничего из того, чем обычно объясняют.

Расходится выбор.

ДВА МАРШАЛА

У меня есть другая пара, к которой я возвращаюсь во всех книгах.

Рокоссовский и Конев. Одна армия, одна школа, одни звёзды на погонах, один Верховный. И в пятьдесят шестом один сделал одно, а другой — другое.

Всю мою работу можно опрокинуть единственным возражением: что я объясняю людей их природой. Что хорошие у меня хороши по сущности, а плохие плохи по сущности, и никакого анализа тут нет — есть распределение ролей.

Рокоссовский — ответ на это возражение. До момента выбора он от Конева не отличался ничем.

Зиновьев и Солженицын — тот же ответ на уровне мысли. И подтверждает его не апологет, не соотечественник и не единомышленник.

Подтверждает Жорж Нива, которому всё это глубоко не нравится.

Чьё свидетельство весит больше — единомышленника или того, кому предмет глубоко не нравится?

Десятый материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — «След»: что было заложено до марта пятьдесят третьего и почему страна прожила на этом ещё тридцать восемь лет.

Фонд 644, опись 2

№ в серии: 108 из 233 · № в сезоне: 11 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 08.02.2027 · ЖЖ: 26.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

В Российском государственном архиве социально-политической истории есть фонд 644 — постановления Государственного Комитета Обороны. Опись вторая.

Дело 23, лист 20 — то самое постановление от пятнадцатого октября сорок первого, где в скобках написано, что ОН эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке. Правка красным карандашом.

Дело 533, листы 80–84 — постановление номер 9887сс/оп от двадцатого августа сорок пятого года «О Специальном комитете при ГОКО». Подпись — ЕГО автограф.

Одна опись. Четыре года между документами.

В первом решается, уцелеет ли столица. Во втором — будет ли у страны ядерное оружие.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЕНТЯБРЯ СОРОК ВТОРОГО

Впрочем, начинать надо раньше.

Постановление ГКО номер 2352сс «Об организации работ по урану» подписано двадцать восьмого сентября 1942 года.

Посмотрите на дату ещё раз. Конец сентября сорок второго — это Сталинград. Это тот момент, когда до исхода войны ещё бесконечно далеко, а до катастрофы — рукой подать.

И в этот момент подписывается документ о работах, которые дадут результат не раньше чем через семь лет.

Это и есть то, что я называю заделом. Не количество построенных заводов. Способность в конкретной точке думать на семь лет вперёд, когда никто не гарантирует тебе даже семи недель.

ДВАДЦАТОЕ АВГУСТА СОРОК ПЯТОГО

Через две недели после Хиросимы.

Образуется Специальный комитет: Берия председателем, Маленков, Вознесенский, Ванников, Завенягин, Курчатов, Капица, Махнев, Первухин. Четвёртым пунктом того же документа при Совнаркомех создаётся Первое главное управление, подчинённое комитету.

Комитет получает право издавать распоряжения, обязательные для наркоматов. Госплан проводит его ресурсы отдельной строкой.

Двадцать девятого августа 1949 года на Семипалатинском полигоне испытан РДС-1. Монополия закончилась.

Дальше из этой конструкции вырастает всё: закрытые города, отраслевые институты, Средмаш, система, которую потом назовут военно-промышленным комплексом.

ГДЕ ПРОХОДИТ ЧЕСТНАЯ ГРАНИЦА

А теперь я скажу то, чего в патриотических изложениях обычно не говорят, потому что это портит картину.

Не всё, что принято относить к ЕГО заделу, к нему относится.

Ракета Р-7, вынесшая на орбиту спутник и Гагарина, задана постановлением мая 1954 года. Это после. Обнинская станция дала ток в пятьдесят четвёртом — тоже после. Зеленоград и решение по микроэлектронике — вообще конец пятидесятых и начало шестидесятых.

Если писать, что это всё «сделано при НЁМ», текст рассыплется от первой проверки, и правильно сделает.

Граница проходит не там.

ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛО ЗАДАНО ДО

Постановление о реактивном вооружении — тринадцатое мая 1946 года. Из него НИИ-88, конструкторские бюро, полигон в Капустинном Яру, серия Р-1, Р-2, Р-5, инженерная школа и кадры.

К марту пятьдесят третьего всё это существует и работает.

И существует главное — заказчик. Ядерный заряд имеет вес и габариты, и его надо чем-то доставлять. Требование к межконтинентальной ракете возникло не из мечты о космосе, а из массы боеголовки.

Р-7 создана после. Но задача, под которую её создали, поставлена до, конструкторы для неё выучены до, полигон под неё построен до, и метод, которым её делали, отработан до.

То же с Обнинском. То же с электроникой: сам Зеленоград — пятьдесят восьмой и шестьдесят второй, а вот люди, которые его строили, и институты, в которых они выросли, — сороковые.

Инерция — это не готовые изделия. Это заданный вопрос, обученные люди и работающий способ.

Изделия появляются потом. Иногда через двадцать лет.

ТОГДА В ЧЁМ ВОПРОС

А вопрос вот в чём, и он неудобный для обеих сторон спора.

С пятьдесят третьего по девяносто первый страна располагала несравнимо большими ресурсами, чем в сорок втором. Больше учёных, больше денег, больше промышленности, больше времени, и никто не наступал на Волгу.

Назовите за эти тридцать восемь лет хоть один проект, поставленный с нуля и сопоставимый по классу с урановым.

Не продолжение. Не следующее поколение. Не расширение существующего. Новый вопрос, заданный впервые.

Я такого не знаю. Космос — продолжение ракетного. Паритет — продолжение ядерного. Электроника — догоняющая по чужой траектории. Всё крупное, что делалось, делалось внутри контуров, очерченных до пятьдесят третьего года.

Ресурсы выросли. Способность ставить задачу — нет.

ПОЧЕМУ

Здесь я возвращаюсь к тому, с чего начинала эту серию, — к приложению номер два к пункту девять.

Ставить задачу такого класса может только тот, кто отвечает за результат собственным положением. Кто может быть снят, разжалован, отправлен назад. Для кого должность — инструмент под тяжесть, а не имущество.

Слой, который к семидесятым сложился наверху, был устроен иначе. Его положение уже не зависело от результата. Задачи, которые он ставил, были ровно того размера, за который не спрашивают.

Проекты, требующие семи лет и личного риска, такой слой не задаёт. Он их наследует, ведёт и постепенно проедает.

Тридцать восемь лет запаса — это очень много. Это лучшая аттестация того, что было заложено.

И это же — приговор тем, кто за тридцать восемь лет не заложил ничего сопоставимого, имея на руках всё.

ОДНА ОПИСЬ

Вернёмся к архиву.

Фонд 644, опись 2. Дело 23 и дело 533. Сорок первый и сорок пятый. Оба с ЕГО подписью.

В одном — разрешение уехать, которым ОН не воспользовался. В другом — задача, которую ОН поставил на семь лет вперёд, стоя посреди войны.

Это один и тот же человек и, по существу, один и тот же поступок.

Отвечать собственным положением. И то, и другое — про это.

Много ли решений принимается сегодня так, чтобы отвечать за них собственным положением?

Одиннадцатый материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — февраль пятьдесят шестого и то, что случилось за три месяца до него.

Три месяца и двадцать один день

№ в серии: 109 из 233 · № в сезоне: 12 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 10.02.2027 · ЖЖ: 28.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

Песню «Москва — Пекин» написали в 1949 году — музыка Вано Мурадели, слова Михаила Вершинина. Её пели хором, её знала вся страна, в ней была строчка с двумя именами.

После пятьдесят шестого строчку убрали.

Песня осталась, мелодия осталась, дружба народов осталась. Имени нет.

С этого я начинала сезон и обещала к этому вернуться. Возвращаюсь.

НО ПЕРВЫМ БЫЛ НЕ ДОКЛАД

Двадцать пятого февраля 1956 года, на закрытом заседании XX съезда, прозвучал доклад о культе личности.

Это дата, которую знают все. А я хочу назвать другую.

Четвёртое ноября 1955 года. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР номер 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».

Между четвёртым ноября и двадцать пятым февраля — три месяца и двадцать один день.

Это постановление я уже разбирала в пятом сезоне — со стороны отобранной награды. Здесь оно берётся с другой стороны: не как приговор архитектору, а как дата, с которой пространственный контур страны начал меняться раньше идеологического.

Пространственный контур опередил идеологический.

ЧТО ТАМ НА САМОМ ДЕЛЕ СДЕЛАЛИ

Принято считать, что постановление было про экономию: перестали лепить колонны и шпили, начали строить дешёвое жильё, людям было где жить — и слава богу.

Прочитайте текст. Он не про экономию.

Он поимённо разбирает конкретные здания. Он говорит о том, что архитекторы увлеклись показной стороной, украшают фасады и пренебрегают удобством, экономикой и нормальной эксплуатацией.

А дальше он выходит за пределы стройки.

Отдельным пунктом там сказано, что значительная часть профессорско-преподавательского состава Московского архитектурного института культивирует у студентов некритическое отношение к формам прошлого. И министерству высшего образования поручено представить предложения о коренном улучшении подготовки архитекторов.

Срок — первое марта 1956 года.

То есть через четыре дня после закрытого доклада.

ПОРЯДОК, В КОТОРОМ ЭТО ДЕЛАЛОСЬ

Сначала останавливают строительство. Потом переучивают тех, кто строит. Потом произносят слова.

Я не утверждаю, что это было спланировано именно так. Утверждать это я не могу и не буду: документов, связывающих ноябрьское постановление с февральским докладом единым замыслом, нет, а сочинять их я не стану — весь этот сезон о том, чем кончается сочинение недостающего.

Но последовательность есть, и она документирована. И она логична.

Потому что здание — это то, во что проект превращается физически. Идею можно опровергнуть другой идеей, и спор будет длиться десятилетиями. А высотка стоит. Университет на Ленинских горах стоит. Станция метро с мозаикой стоит, и по ней каждый день проходят тысячи человек, и она им ничего не доказывает — она просто есть.

Пока стоит и строится это, слова о культе будут звучать поверх опровержения в камне.

Стройку остановили первой.

ДАЛЬШЕ — ИМЯ

После февраля имя уходит отовсюду разом.

Из песни. С фасадов. С карт — города переименовываются. Из названий заводов, колхозов, улиц, пароходов.

И вот здесь начинается то, ради чего написан весь сезон.

Убрали не человека — человек к тому времени три года как умер. Убрали несущий элемент.

Вся легитимность правящего слоя держалась на НЁМ: ОН назначал, ОН снимал, ОН спрашивал, и перед НИМ отвечали должностью и головой. ОН был последней инстанцией, к которой апеллировали через голову любого начальника, — и все это знали, включая начальников.

Уберите эту инстанцию.

Права слоя остаются. Обязанности исчезают. Спрашивать больше некому — точнее, спрашивать теперь может только сам слой, а сам себя он не спросит.

Помните приложение номер два к пункту девять? Тридцать второй год, отмена партмаксимума. Механизм, привязывавший личное положение к результату, сняли тогда. До пятьдесят шестого его заменяла одна-единственная вещь — страх перед конкретным человеком.

В пятьдесят шестом убрали и её.

И осталось сословие с правами, без обязанностей и без инстанции, способной отозвать хоть то, хоть другое.

Дальше — тридцать пять лет по инерции и обмен государства на личное положение в девяносто первом.

ОГОВОРКА, БЕЗ КОТОРОЙ ЭТО НЕ РАБОТАЕТ

Я утверждаю последовательность и функциональную связь. Прямой причины через тридцать пять лет я не утверждаю.

Между пятьдесят шестым и девяносто первым — люди, решения, обстоятельства, войны, поколения. Кто выводит одно из другого напрямую, занимается не историей.

Но конструкция, из которой вынули опору, ведёт себя определённым образом, и в этом поведении нет ничего мистического. Она стоит. Довольно долго. А потом складывается — и складывается не там, где вынули, а там, где тоньше.

И ЕЩЁ ОДНО ПОСЛЕДСТВИЕ, О КОТОРОМ ЗАБЫВАЮТ

Доклад читали не только у нас.

В Пекине его прочли внимательно и сделали выводы, которые нам аукались следующие тридцать лет. Об этом у меня написана отдельная книга, и здесь я только обозначу: раскол с Китаем начинается не с идеологических споров шестидесятых. Он начинается в феврале пятьдесят шестого, когда союзник увидел, как здесь поступают с собственным основанием.

Строчку из песни убрали в Москве. В Пекине её услышали.

ЧТО ВЫЧЕРКНУТЬ НЕ УДАЛОСЬ

Песню перезаписали. Города переименовали. Имя со стен сбили.

А ядерный щит не сбили. И полигон в Капустинном Яру не переименовали в ничто. И постановление от двадцать восьмого сентября сорок второго года из фонда 644 не изъяли — оно там лежит, и я его читала.

Из песни слово выкинули. Из страны — нет.

Тридцать восемь лет она прожила на том, что было заложено до марта пятьдесят третьего, и до сих пор живёт на части этого.

Вычеркнуть строчку оказалось несравнимо легче, чем построить то, о чём она пелась.

Сколько времени нужно, чтобы вычеркнуть строчку, и сколько — чтобы построить то, о чём она пелась?

Двенадцатый материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — последний в сезоне. О тех, кому он враг, и о том, что у них общего. И о том, кем он является для меня.

Два дома в Кунцеве

№ в серии: 110 из 233 · № в сезоне: 13 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 12.02.2027 · ЖЖ: 30.03.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН

Единственный текст сезона без архивных ссылок. Здесь я рассказываю то, что видела сама.

Несколько лет назад мне довелось попасть на Ближнюю дачу — закрытый объект Федеральной службы охраны в Кунцеве. Тот дом, где ОН прожил последние девятнадцать лет и где умер в марте пятьдесят третьего.

Компания была большая и непростая: руководители российского авиапрома, депутаты Государственной думы, давние приятели.

Я вынесла оттуда две вещи. Обе — не про историю, а про то, как история выглядит вблизи.

ПЕРВОЕ: СОСЕДНИЙ ДОМ

На той же территории стоит второе здание.

Его построили для Горбачёва вскоре после того, как он пришёл к власти. По меркам восьмидесятых — современное; рядом с деревянной дачей оно смотрится как объект из другой цивилизации. Другой материал, другая инженерия, другое представление о том, как должен размещаться человек на этом посту.

Сама дача — не землянка и не скит, и представлять её так не надо. Два наземных этажа, цокольный уровень со службами и коммуникациями. Дом, рассчитанный на работу и на охрану, спроектированный всерьёз.

Контраст не в размере. Контраст в том, чем каждое из этих зданий является.

Одно — дом, в котором человек прожил девятнадцать лет и умер.

Второе — дом, который построили для человека. Сразу. Как принадлежность к должности.

Разница между «жил» и «построили для» — это, если коротко, содержание всего моего десятого сезона.

По преданию — и я подчёркиваю, что это предание, документов у меня нет, — Горбачёв провёл там одну ночь и больше не приезжал.

Что именно его оттуда выставило, никто не знает, и гадать я не стану. Скажу как метафору, а не как утверждение: на такой территории неуютно ночевать тому, кто собирается делать то, что он собирался делать. Не дух — идея. Идея, которая стоит рядом деревянным домом и молча спрашивает о соразмерности.

ВТОРОЕ: СТО СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ САНТИМЕТРА

А теперь то, ради чего этот текст написан.

Среди прочего нам показали результаты медицинского обследования.

Рост — сто семьдесят четыре сантиметра.

Я стояла и смотрела на эту цифру дольше, чем следовало бы. Потому что вся моя сознательная жизнь прошла под аккомпанемент штампа про кремлёвского карлика — низкорослого, ущербного, компенсирующего.

Сто семьдесят четыре. Крупный мужчина по нынешним меркам. По меркам начала века — заметно выше среднего: средний рост российского рекрута тогда держался в районе ста шестидесяти пяти.

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ КАРЛИК

Цифра из медицинских документов не расходится с дореволюционными. В регистрационных картах Петербургского охранного отделения за одиннадцатый и тринадцатый годы стоит ровно сто семьдесят четыре.

Разброс в бумагах есть — от ста шестидесяти двух до ста семидесяти четырёх, и объясняется он просто: рост тогда мерили в вершках, часто на глаз, и пересчитывали по-разному. К концу жизни, по оценкам исследователей, около ста семидесяти — обычная возрастная убыль.

Ста шестидесяти нет нигде. И ста пятидесяти пяти, которые тоже приходилось читать, нет тем более.

Откуда же взялось?

Оттуда же, откуда соха с атомной бомбой и фраза про нет человека. Цифра в сто шестьдесят сантиметров вошла в оборот через психоаналитическую литературу — через американского русиста Ранкур-Лаферьера, выстроившего объяснение характера из телесных дефектов: короткая рука, сросшиеся пальцы, оспины и малый рост. Дальше она пошла тиражом и живёт до сих пор.

Заметьте конструкцию. Сначала назначается дефект. Потом из дефекта выводится комплекс. Потом из комплекса объясняется вся политика тридцатых годов.

Это не история. Это диагноз по фотографии, поставленный человеку, которого автор никогда не видел, — и поставленный ради того, чтобы не разбирать документы.

ПОЧЕМУ Я ПОТРАТИЛА НА ЭТО ЦЕЛЫЙ РАЗДЕЛ

Потому что приём один и тот же на всех этажах.

Раньше в сезоне я разбирала, как гипотетический демографический расчёт превратился в утверждение о погибших. Механизм: убрать оговорку и повторять.

Здесь то же самое, только грубее и мельче. Взять цифру из ниоткуда, повторить тысячу раз — и получить готовый образ, который избавляет от необходимости читать протокол Политбюро.

Карлик удобен ровно тем же, чем удобны шестьдесят шесть миллионов. Он закрывает вопрос. С карликом не надо разбираться, что произошло тридцать первого июля тридцать седьмого года и почему семнадцатого ноября тридцать восьмого всё остановили за три недели. Карлик всё объясняет сам.

Рост в сто семьдесят четыре сантиметра ничего не оправдывает и ничего не доказывает. Он всего лишь возвращает на место обычный человеческий масштаб — и вместе с ним обязанность разговаривать по документам.

Ровно поэтому его и убирали.

Что ещё убирают из разговора ровно затем, чтобы не разговаривать по документам?

Тринадцатый материал сезона «Он», всего 14. В следующий раз — последний в сезоне.

Работайте, братья

№ в серии: 111 из 233 · № в сезоне: 14 из 14 · Сезон: 10 «ОН» · Дзен: 14.02.2027 · ЖЖ: 01.04.2027 · Теги: Историческая Россия, ОН, Несокрушимая и легендарная

В сентябре 2009 года приказом министра образования «Архипелаг ГУЛАГ» внесли в обязательный минимум содержания образовательных программ по литературе. Сокращённую для школы редакцию подготовила вдова писателя; в 2010-м «Просвещение» издало её и разослало по школьным библиотекам.

Ту же книгу тридцать шесть лет назад издали в Париже, а расчёты, на которых стоят её цифры, печатал орган НТС.

Здесь я закрываю сезон и серию.

ТРИ ДАТЫ, К КОТОРЫМ Я ОБЕЩАЛА ВЕРНУТЬСЯ

Тысяча девятьсот девяностый — Солженицын отказывается от Государственной премии РСФСР за «Архипелаг».

Тысяча девятьсот девяносто восьмой — отказывается от ордена, объясняя, что от власти, доведшей Россию до гибельного состояния, награду принять не может.

Две тысячи седьмой — принимает Государственную премию Российской Федерации.

Четвёртая дата — сентябрь две тысячи девятого, приказ о школьной программе. Через девять лет в Москве открывают памятник.

ПРОСЛЕДИТЕ ПУТЬ

Тысяча девятьсот семьдесят третий — Париж, YMCA-Press. Тысяча девятьсот семьдесят седьмой — «Посев», орган НТС. Две тысячи девятый — государственное издательство рассылает тот же текст в школьные библиотеки страны, о которой он написан.

Из канала, который я разбирала отдельно, — в обязательный минимум. Это не заговор.

Никто не собирался в кабинете и не планировал операцию длиной в тридцать шесть лет. Не было ни плана, ни центра, ни исполнителей.

Был слой, которому такое чтение удобно. Просто удобно — как удобна мебель. И когда у слоя появилась возможность решать, что читают дети, он выбрал удобное, не совещаясь и даже не задумываясь.

Замысла для этого не требуется. Достаточно совпадения интересов, а совпадение интересов возникает само.

РЕЕСТР

Кто эти люди — вопрос, на который принято отвечать через идеологию. Либералы, западники, антисоветчики. Я отвечаю иначе, потому что через идеологию не сходится.

Их три группы, и они друг друга терпеть не могут.

Квазилибералы — те, у кого свобода всегда почему-то заканчивается ровно там, где начинается суверенитет собственной страны.

Квасные патриоты — те, кто громче всех про духовность, скрепы и особый путь. Отдельная порода, и в каком-то смысле худшая.

Расхитители из номенклатуры — люди, для которых должность была и остаётся имуществом, а государство — средой обитания и кормовой базой.

Идеологически между ними нет ничего общего. Первые презирают вторых, вторые ненавидят первых, третьи публично примыкают то к одним, то к другим, смотря по конъюнктуре.

Общее у них одно.

Собственность вне контура. Дети вне контура.

Проверка не по словам, а по адресу. Не что человек говорит с трибуны, а где его активы и где живут его наследники. Этот критерий не знает исключений и не поддаётся риторике, потому что недвижимость нельзя произнести.

Человек, чьё будущее физически размещено в другой юрисдикции, объективно заинтересован в том, чтобы эта страна никогда больше не

была самостоятельным субъектом. Не потому, что он злодей. Потому что субъектность здесь означает риск для его имущества там.

Это и есть проклятое сословие. Не ругательство — определение.

КОГО В РЕЕСТРЕ НЕТ

Оговорка, без которой реестр превращается в донос.

В реестре нет тех, у кого забрали деда.

Человек, чья семья прошла через приговоры из хронологии, имеет право на любое отношение к НЕМУ, включая ненависть. Оно оплачено, оно честное и к активам за рубежом отношения не имеет.

Реестр определяется не мнением. Реестр определяется адресом.

Кто мешает эти две категории — честного оппонента и владельца активов, — работает тем же приёмом, что я разбирала весь сезон: подменяет проверяемое непроверяемым, потому что так удобнее спорить.

ПОЧЕМУ ОН ИМ ВРАГ

ЕГО ненавидят не за репрессии. Проверить легко: правители, у которых на счету сопоставимое и большее, спокойно стоят в учебниках, и памятники им не сносят.

ЕГО ненавидят за механизм.

ОН — единственная фигура в русском двадцатом веке, при которой должность не конвертировалась в наследуемое имущество. Не потому, что ОН был добрый или злой. Потому что при НЁМ работало правило: положение даётся под тяжесть и отбрасывается вместе с ней.

Оно отбиралось у наркомов, у маршалов, у чекистов, у родственников. Гарантии не было ни у кого, и все это знали.

Для сословия, чья цель — превратить должность в собственность, а собственность передать детям, это не позиция политического противника. Это отрицание самого способа существования.

Вот почему ненависть непропорциональна и не проходит. С политическим противником спорят. С отрицанием способа существования

не спорят — его стирают. Из песни, с фасадов, из названий, из учебников.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ БЫЛО ДВА

Стирание из песни, с фасадов и из учебников — работа с именем. Машину разобрали раньше и тише, по протоколам.

Первый предохранитель сняли восьмого февраля тридцать второго года. Приложение номер два к пункту девять: отменён партмаксимум.

До этого потолок дохода руководителя был привязан не к его должности, а к заработку тех, кем он управлял: не больше чем в полтора раза выше среднего по учреждению. Хочешь получать больше — подними своих. Другого пути наверх у личного дохода не было.

С марта тридцать второго — предельные оклады по группам и оговорка о персональной ставке. Потолок формально остался, но привязан теперь к иерархии: чтобы получать больше, надо подняться самому.

Причина была настоящая. Беспартийные специалисты получали персональные ставки выше, чем коммунист на той же работе, и партийность превращалась в материальный штраф. Это чинили, и починили. Претензия не в том, что потолок сдвинули. Претензия в том, что его не вернули никогда.

Второй предохранитель после этого держался ещё двадцать один год, и он-то и описан выше. Пока положение отбиралось вместе с ответственностью, отсутствие денежного потолка почти ничего не решало: нажитое не успевало стать наследством.

Дальше снятие с должности перестало быть возможным исходом. Оно стало переводом.

Сословие росло беспрепятственно тридцать пять лет и в девяносто первом сделало единственное, к чему шло: обменяло государство на личное положение.

И оба раза, когда снимали предохранитель, никто не собирался в кабинете. В первый раз устранили настоящую несправедливость. Во

второй — устраняли страх. И то и другое было удобно, а удобство, как уже сказано, замысла не требует.

ОН был последним, при ком за должность отвечали.

ДЕСЯТОЕ ИЮЛЯ ДВЕ ТЫСЯЧИ ШЕСТНАДЦАТОГО

Лесной массив под Сергокалой в Дагестане.

Магомед Нурбагандов, тридцать один год, лейтенант полиции, юрист по образованию, сотрудник вневедомственной охраны по городу Каспийску. Напавшие узнали, что он полицейский. Под стволом от него потребовали одного: обратиться к коллегам и призвать их уйти со службы.

Одна фраза. Жизнь стоила одной фразы.

Он сказал: «Работайте, братья!»

Его убили. Убили и его двоюродного брата Абдурашида.

Дальше — то, что важнее самой фразы. Съёмка велась на телефон. Ролик, который убийцы выложили, был смонтирован, и этот эпизод они из него вырезали. Телефон нашли позже, при осмотре тел.

Слова дошли не благодаря им. Слова дошли вопреки им и вопреки их прямому, сознательному усилию.

Двадцать первого сентября две тысячи шестнадцатого — Герой России, посмертно. Сегодня на «Работайте, братья!» отвечают «Работаем, брат».

СЕМНАДЦАТОЕ МАРТА ТОГО ЖЕ ГОДА

Александр Прохоренко. Двадцать пять лет. Старший лейтенант, передовой авиационный наводчик сил специальных операций.

Родился двадцать второго июня тысяча девятьсот девяностого года.

К семнадцатому марта он неделю работал в тылу противника под Тадмором — той самой Пальмирой, — наводя удары авиации. Неделю за ним охотились. Его обнаружили и окружили.

Он вызвал удар на себя.

Не артиллерию — авиацию. То самое, что наводил всю неделю. Инструмент службы стал инструментом гибели, и в этом есть страшная точность.

Одиннадцатого апреля — Герой России, посмертно. Памятники в Оренбурге, в Смоленске и в итальянском городке Вальи-Сотто.

ДАРГИНЕЦ И РУССКИЙ

Нурбагандов — даргинец из дагестанского села. Прохоренко — русский из Оренбуржья.

Между ними нет ничего общего по крови, по вере, по языку детства, по краю. И есть всё общее по тому единственному, что здесь имеет значение.

Историческая Россия — не этнос. Никогда им не была. Тот, кто пытается сделать её этносом, работает на её сокращение, и неважно, с какими намерениями.

Этих двоих не может присвоить ни один из тех, кто в реестре. Ни квазилиберал, ни квасной патриот с домом на побережье. Оба парня для них одинаково чужие — и по той же причине, по которой чужой ОН.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Скажу как чувствую, потом объясню, что имею в виду.

Герои не умирают. Они возвращаются в новых.

Дагестанский парень на коленях в лесу, отправляющий братьев работать, — тот же человек, что офицер, попавший в сорок седьмом, в мирном по календарю году, в руки к озверевшим лесным бандам где-то на Западной Украине или в Прибалтике, и не сказавший того, что от него хотели.

Двадцатипятилетний лейтенант под Пальмирой — тот же, что вызывал огонь на себя в сорок третьем и делал это не раздумывая, потому что раздумывать было не о чем.

Это я чувствую. Утверждаю я другое, и оно прочнее.

Не переселение душ. Воспроизводство.

Тип возвращается не потому, что душа переходит, а потому, что выбор делается заново — каждый раз с нуля, живым человеком, который мог выбрать иначе и знал это. Наводчик мог не вызывать. Лейтенант полиции мог произнести требуемое: его бы, вероятно, всё равно убили, но он-то этого знать не мог, и надежда была.

Если герой — возвращающаяся сущность, то выбора нет, есть природа. У природы нет заслуги. Подвиг, объяснённый сущностью, перестаёт быть подвигом.

Механизм воспроизводства не мистический, а вполне физический. Фраза дошла через телефон, найденный при осмотре тел. Школа передавалась через курсы «Выстрел», где преподавали царский оружейник, вернувшийся из эмиграции белый генерал и министр Временного правительства, а через полвека их место занял дважды Герой Советского Союза.

Передача. Не переселение — передача.

ОТ СЕБЯ

Для меня ОН святой.

Слово не моё. Его сказал Константин Константинович Рокоссовский.

Человек, которого в тридцать седьмом арестовали и продержали под следствием два с половиной года. Который вышел, командовал фронтами и командовал Парадом Победы. У которого личный счёт был такой, какого у меня нет и быть не может.

Когда от него потребовали написать статью против НЕГО, он ответил, что для него ОН святой. Вскоре после этого он перестал быть заместителем министра обороны.

Скажу прямо, потому что весь сезон был про разницу между документом и пересказом: сама реплика известна по мемуарной цепочке, протокола под ней нет. Но я ей верю — и не потому, что она красивая. Потому что она сходится с поступком, а поступки маршала задокументированы полностью.

Имея все основания предъявить счёт, он его не предъявил. Отказался — и потерял должность.

Я беру это слово у него и объясню, что вкладываю в него сама.

Святой здесь не значит безгрешный и не значит добрый. Оно значит одно: у человека не осталось ничего отдельного от дела.

Ни имущества, которое передают детям. Ни исключения для собственной семьи — старший сын попал в плен в сорок первом и погиб в лагере в сорок третьем.

Тридцать лет во главе страны, и после этих тридцати лет наследовать было нечего.

Слово взято у маршала. Отвечаю за сказанное я.

ОН враг для тех, у кого дети и деньги в другой стране. ОН свой для тех, кто отвечает за результат собственным положением.

Я на второй стороне. Всегда была.

Работайте, братья.

Четырнадцатый, заключительный материал сезона «Он». Сезон окончен. Спасибо, что дочитали до конца — все четырнадцать раз.

ЦИКЛ II. Сезон 11 открывает новый цикл. Сквозная нумерация продолжается, но материал № 111 закрывает первый цикл, а не серию. Перерыв между 14.02.2027 и 24.04.2027 — намеренный.

СЕЗОН 11 · «ЗАКАВКАЗЬЕ БЕЗ РОССИИ»

Материалов в сезоне: 22 · **Сквозные № :** 112–133 · **Дзен и ЖЖ (параллельно):** 24.04.2027 — 05.06.2027, через день · **Анонс сезона:** 22.04.2027

АНОНС СЕЗОНА · 22.04.2027 · «ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТОЕ АПРЕЛЯ»

Текст анонса площадки; в сквозную нумерацию материалов не входит.

Двадцать четвёртого апреля тысяча девятьсот пятнадцатого года в Константинополе арестовали армянскую интеллигенцию. Эту дату знают в тридцати странах.

Я начну сезон с неё, но не с того, что в этот день началось.

С того, что в том году было остановлено.

За весь пятнадцатый год убийство остановили силой ровно в двух местах на земле.

Ван — двадцать семь дней обороны, снятая осада, части Четвёртого Кавказского армейского корпуса Русской армии. Сотни тысяч человек, перешедших границу за лето.

Муса-даг — пятьдесят три дня, флаг с надписью по-английски «Христиане в беде: спасите», французский броненосный крейсер «Гишен». Четыре тысячи пятьдесят восемь человек.

Больше нигде.

Ни ноты держав, ни резолюции, ни сочувствие европейской прессы не спасли ни одного человека. Спасали пушки, оказавшиеся в нужный день на расстоянии выстрела.

А через два с половиной года ту силу, которая стояла на этом рубеже, убрали. Не разбили в бою — распустили декретом, за подписью, в рабочем порядке, своим же распоряжением. За один день.

Дальше — три года, шесть войн между соседями, четыре оккупационных режима, две резни в одном городе за полгода, сожжённая Шуша, вырезанное селение Кайбаликенд, английский губернатор в русском черноморском порту, набережная Смирны и треть населения Армении, которой не станет.

Всё это произойдёт с людьми, которые за три года до того ходили за помощью для своих беженцев в одну и ту же приёмную в Тифлисе — и получали её из одной казны.

Люди не изменились.

Изменилось то, кто между ними стоял.

Сезон начинается двадцать четвёртого апреля не потому, что дата удобна. Потому что это единственная точка, от которой правильно вести счёт.

Двадцать два материала. Через день, в десять утра.

И один мальчик из сожжённой деревни под Эрзерумом, который знал по-русски одно слово.
